

и та несообразность, что между Мозеромъ и Оромъ насчитывается семь становъ: очень естественно, отъ перваго пребыванія Евреевъ въ Мозерѣ до втораго, когда умеръ Ааронъ могло быть и не семь становъ,—времени такъ много: упоминаются изъ нихъ только важнѣйшіе, на которыхъ случилось что-либо особенно замѣчательное. Итакъ, напрасно превратнымъ толкованіемъ стараются заподозрить разсматриваемые стихи 10-й гл. книги Второзаконія въ отсутствіи связи и противорѣчіяхъ съ указаніями книги Числъ: они согласны между собою, какъ скоро будемъ разсматривать ихъ въ связи съ другими мѣстами и безъ предвзятой мысли.

Объ источникахъ Пятокнижія.

Когда мы развивали задачи, какія предлагаетъ современная библейская наука при критическомъ изслѣдованіи Пятокнижія Моисеева, и относительно вопроса о происхожденіи его и цѣлости поставили первымъ вопросомъ объ интерполяціяхъ въ немъ, мы замѣтили тогда, что этому вопросу суждена была болѣе значительная роль, чѣмъ какую игралъ онъ, когда только что появился, что принявъ другую форму, онъ долженъ былъ пріобрѣсть гораздо болѣе значенія въ рукахъ отрицательнаго направленія библейской исторической критики, а потому мы и предложили тогда вашему вниманію разборъ важнѣйшихъ изъ этихъ интерполяцій, какъ вопроса важнаго въ нашей наукѣ, вопроса, который принявъ иную форму, какъ мы сейчасъ замѣтили, долженъ былъ имѣть важное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ же представлялся вопросъ: да почему бы только въ этихъ мѣстахъ видѣть дѣло позднѣйшей руки,—зачѣмъ такъ выдѣлять ихъ изъ цѣлаго состава книгъ, не *признаки* ли это позднѣйшаго происхожденія этихъ книгъ вообще, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ ихъ, въ какомъ онѣ теперь? И вотъ, въ то время, какъ одни видѣли въ книгахъ интерполяціи, считая, кромѣ ихъ, книги подлинно Моисеевыми, другіе стали смотрѣть на эти интерполяціи именно какъ на доказательства или признаки позднѣйшаго происхожденія Пятокнижія, въ его настоящемъ видѣ. Стали искать и другихъ подтвержденій этого мнѣнія и, разумѣется, нашли ихъ довольно много. Мы познакомились съ болѣе важными изъ этихъ интерполяцій и видѣли, что лишь при задней мысли ихъ можно считать таковыми; тѣмъ менѣе еще можно считать ихъ *признаками* позднѣйшаго про-

исхожденія цѣлыхъ отдѣленій. Можетъ поразить малозначительность этихъ признаковъ для того, чтобы на основаніи ихъ выводить заключеніе о позднѣйшемъ происхожденіи Пятокнижія; но не надобно при этомъ забывать увлеченія любимой мыслью, — дѣло важное: — и еще того, что въ изысканіи ихъ лежитъ задняя мысль — чудобоязнь. Того же результата, то есть, что книги Моисеевы, въ настоящемъ ихъ видѣ, вышли не изъ рукъ самого Законодателя Евреевъ, а позднѣе, думали и думаютъ достигнуть другимъ путемъ, критическимъ разборомъ самаго состава Пятокнижія или разборомъ вопроса объ источникахъ Пятокнижія, на основаніи признаковъ различія этихъ источниковъ. Разборъ этотъ привелъ далеко не къ одинаковымъ результатамъ, какъ и слѣдовало ожидать, судя потому, что въ него положена была опять таки та же задняя мысль школы. Разборъ этотъ привелъ къ тремъ гипотезамъ, которыя называются *Urkundenhypothese*, *Fragmentenhypothese* и *Ergänzungshypothese*.

Еще древніе писатели церкви замѣчали различіе въ употребленіи божественныхъ именъ въ Пятокнижіи, а особенно въ книгѣ Бытія. Въ нѣсколькихъ цѣлыхъ отдѣленіяхъ употребляется исключительно имя Элогимъ, въ нѣсколькихъ — Ягова, въ нѣсколькихъ оба имени вмѣстѣ — Ягова — Элогимъ (а, Быт. 1. 5. 8; б, 6. 7. в, 2. 3. 4). *Элогимъ*: 19, 29—38 (исходъ Лота изъ Цоара и поселеніе на горѣ Эдомъ), 25, 1—11 (последній бракъ Авраама, смерть и погребеніе) 27, 46—28, 9 (путешествіе Іакова изъ земли своей) и 50 (погребеніе Іакова и смерть Іосифа). *Ягова*—10 и 11 (родословіе, смѣшеніе языковъ и генеалогія Сима), 12 и 13 (путешествіе Авраама въ Ханаанъ и Египетъ), 24 (о Ревеккѣ, когда она стала женою Исаака), 28, 20—22 (сонъ Іакова въ Веѣлѣ) и 28 (исторія Іуды и дочерей его); въ прочихъ главахъ — оба имени, употребляются и другія: Адонай, Ел — Шаддай и проч. Замѣчая это различіе въ употребленіи именъ Божіихъ въ цѣлыхъ различныхъ отдѣленіяхъ Пятокнижія, древніе писатели объясняли это различными цѣлями писателя ихъ Моисея. Въ половинѣ прошлаго вѣка нѣкто Аструнъ, указавъ на это различіе именъ, указалъ на другое объясненіе ихъ. Онъ спросилъ — не указываетъ ли это различіе на различныя древнія записи, изъ коихъ въ одной употреблялось имя Ягова, въ другомъ Элогинъ, записи, которыми и воспользовался писатель Пятокнижія, можетъ быть, Моисей, оставивъ безъ измѣ-

ненія употребленіе въ нихъ именъ Божіихъ? Да небыло ли и другихъ, небольшихъ записей, которыми онъ пользовался и слѣды которыхъ можно бы видѣть въ нѣкоторыхъ перерывчатыхъ сказаніяхъ Пятокнижія? Свое изслѣдованіе онъ заключаетъ вѣроятностію предположенія, что дѣйствительно были двѣ таковыя древнія записи, довольно обширныя, и еще нѣсколько краткихъ (до 10-ти). Это предположеніе извѣстно подъ именемъ *Urkundenhypothese*, — предположеніе о двухъ, довольно обширныхъ, древнихъ записяхъ, различающихся разными наименованіями Божества, записей, изъ сопоставленія которыхъ составилось Пятокнижіе и особенно книга Бытія, при содѣйствіи третьяго лица, присовокупившаго къ этимъ записямъ многое и отъ себя. Этой гипотезѣ дали ходъ особенно Михаэлисъ и Эйхгорнъ, нѣсколько видоизмѣнивъ ее. Къ нимъ пристали другіе изслѣдователи Пятокнижія и — разошлись нѣсколько въ результатахъ изслѣдованія: одни признали двѣ записи — одну съ именемъ Іегова, а другую съ именемъ Элогимъ; другіе — три, прибавивъ къ помянутымъ третью запись съ обоими именами — Іегова — Элогимъ; иные къ нимъ еще присовокупляли нѣсколько меньшихъ записей о частныхъ событіяхъ въ жизни патріарховъ и народа Еврейскаго. Не смотря на это различіе, гипотеза установилась.

Между тѣмъ при изслѣдованіи состава Пятокнижія съ этой точки зрѣнія замѣтили и другіе признаки отдѣльныхъ и различныхъ сказаній, какъ-то надписи надъ различными болѣе или менѣе обширными отдѣлами Пятокнижія, заключительныя формулы, повторенія сказаній объ одномъ и томъ же предметѣ, иногда не совсѣмъ одинаковыхъ, различія въ слогѣ сказаній, и тогда какъ одни развивали *Urkundenhyp.*, другіе начали видѣть въ этихъ книгахъ не что иное, какъ позднѣйшее сопоставленіе безчисленнаго множества небольшихъ древнихъ записей, съ присовокупленіемъ изустныхъ сказаній; явилась на свѣтъ такъ называемая *Fragmentenhyp.* Эту гипотезу приложили уже ко всему Пятокнижію, тогда какъ первая приложена была по преимуществу только къ книгѣ Бытія. Защитниками этой гипотезы были по преимуществу Гартманъ и Фатеръ. Они полагали, что существовало множество частныхъ записей о главнѣйшихъ событіяхъ исторіи, по преданіямъ въ потомствѣ Авраамовомъ, и событіяхъ изъ первой исторіи Евреевъ до и при Моисеѣ; много было и изустныхъ сказаній о важнѣйшихъ изъ этихъ событій. Позднѣйшій пи-

сатель Пятюкнижія собралъ въ одно эти небольшія записи и народныя преданія, сопоставилъ ихъ вмѣстѣ, какъ нашель, придавъ имъ необходимую связь, размѣстилъ по порядку, помѣщая и одинаковыя сказанія, но различнаго происхожденія, объ одномъ и томъ же предметѣ, сопоставилъ и не совѣмъ одинаковыя, оставляя и заглавія таковыхъ сказаній и заключительныя формулы. Видимое дѣло, что эта гипотеза по структурѣ своей одинакова съ предшествующею, пользуется почти одинаковыми доказательствами и одинаково, только признаетъ неодинаковое съ нею количество первоначальныхъ древнихъ сказаній или записей, легшихъ въ основаніе Пятюкнижія въ настоящемъ его видѣ. Не удивительно, что нашлись люди, которые сплотили эти двѣ гипотезы вмѣстѣ, признавая нѣсколько записей и различая ихъ по родамъ—по различію въ нихъ наименованій Божества. Таковъ взглядъ извѣстнаго Деветте. Впрочемъ этой Fragmentenhypothese не суждено было долго жить на свѣтѣ. Чисто механическій взглядъ этой гипотезы на составъ Пятюкнижія, поверхностность признаковъ, на основаніи которыхъ такъ дробила она эти книги, подорвали кредитъ этой гипотезы, и Евальду принадлежитъ честь окончательнаго пораженія ея, послѣ котораго она уже и не вставала, и осталась только въ воспоминаніяхъ исторіи, не возбуждая уже споровъ и не имѣя себѣ защитниковъ пока. Евальдъ исторически по памятникамъ другихъ Восточныхъ народовъ показалъ, что ни надписи надъ извѣстными отдѣленіями, ни заключительныя формулы, ни повторенія сказаній объ однихъ и тѣхъ же предметахъ не могутъ быть признаками такого или другаго дѣленія книгъ на различныя записи или сказанія, такъ какъ они составляютъ особенность всей Восточной древней исторіографіи.

Но уничтоживъ своими изслѣдованіями эту Fragmentenhypothese, Евальдъ привязался къ первой указанной нами гипотезѣ о составѣ Пятюкнижія. Онъ не принялъ ея въ томъ видѣ, въ какомъ развили ее Михаэлисъ и Ейхгорнъ съ своими послѣдователями, но переработалъ ее совершенно, оставивъ только основанія ея, именно—различное употребленіе Божественныхъ именъ. Его гипотеза извѣстна подъ именемъ Ergänzungshypothese. Онъ самъ нѣсколько разъ измѣнялъ и переработывалъ эту гипотезу. Онъ думаетъ, что въ основѣ Пятюкнижія лежитъ древнее основное письменное сказаніе, которое онъ на основаніи Бытія 5, 1 называетъ Das Buch der Ursprünge

— „Книга началъ“. Эта древняя книга, слѣды которой узнаеть онъ по особенностямъ міросозерцанія, слогу, словоупотребленію и проч., составлена была, думаетъ онъ, изъ трехъ древнѣйшихъ еще записей, отличающихся главнымъ образомъ различіемъ употребленія помянутыхъ нами Божественныхъ именъ. Затѣмъ онъ принимаетъ, что эта Grundschriftbuch der Ursprünge постепенно была восполняема и перерабатываема въ продолженіе времени царей пророками, такъ что, наконецъ, вышло, что Пятюкнижіе, прежде, чѣмъ получило настоящій видъ, перешло черезъ руки четырехъ или пяти дополнителей, а всѣхъ составителей Пятюкнижія было восемь или девять. Ученый міръ подивился такой находчивости автора и назвалъ въ шутку его гипотезу Kristallisationshypothese; но не въ подробностяхъ, а въ общемъ видѣ и общей мысли гипотеза нашла себѣ нѣсколько поборниковъ. Tuch, Knöbel, Lengerke, Hupfeld, Bunsen и другіе приняли эту общую мысль о восполнителяхъ и принимаютъ ихъ сколько кто хотѣлъ и хочетъ, и—надобно сказать—всѣ разны, и надо посмотрѣть на все это множество взглядовъ, на всю эту смѣсь мнѣній, совсѣмъ несходныхъ не только во второстепенныхъ, но и въ главныхъ вопросахъ этой гипотезы, противорѣчивыхъ, запутанныхъ; это настоящее смѣшеніе языковъ, чтó, впрочемъ, и естественно, потому что рѣшительныхъ прямыхъ основаній для такого дробленія нѣтъ, и потому обширное поприще открывается предположеніямъ, и мечтамъ, и личному вкусу; мало ли что кому покажется, если отрѣшиться отъ твердаго грунта исторіи и унести на облака, хотя бы и на брыляхъ эрудиціи. Но дѣло въ томъ, что въ общей мысли эта гипотеза все-таки принята частью серіозныхъ представителей Библейской науки и слѣдовательно подлежитъ разбору и требуетъ обсужденія, если не въ частностяхъ спорныхъ, за которыми почти нѣтъ возможности и слѣдить то въ общемъ основаніи и въ общей мысли.

Итакъ, вотъ три гипотезы о составѣ Пятюкнижія, требующія разбора. Одной изъ нихъ впрочемъ, средней, Fragmentenhypothese—мы можемъ и не заниматься, такъ какъ основанія ея, какъ мы замѣтили, совсѣмъ подорваны, и она теперь почти не имѣетъ защитниковъ, а то, что стоило вниманія въ ней, вопло въ составъ другихъ двухъ гипотезъ. Двѣ остальные въ общемъ основаніи своемъ сходны и разнятся только въ дальнѣйшихъ выводахъ и приложеніяхъ; а потому прежде всего нужно обратить вниманіе на это общее основаніе, что—

бы потомъ имѣть дѣло съ другими частными выводами и приложеніями. Основаніе ихъ, какъ мы замѣтили, употребленіе разныхъ Божественныхъ именъ въ цѣлыхъ отдѣленіяхъ книгъ и особенно книги Бытія. Это первое и подлежитъ нашему разсмотрѣнію. Въ этомъ различіи видятъ различныя сказанія или древнія записи, которыми пользовался позднѣйшій писатель Пятокнижія. Надобно замѣтить при этомъ, что когда разсматриваемыя гипотезы говорятъ о древнихъ записяхъ, то разумѣютъ записи не ранѣе Моисея, а позднѣйшія его, на основаніи тѣхъ мнимыхъ признаковъ позднѣйшаго времени, изъ коихъ важнѣйшіе мы разобрали при изслѣдованіяхъ интерполяцій, а главнымъ образомъ на основаніи чудобоязни; дополнителей же этихъ записей и составителей Пятокнижія въ его настоящемъ видѣ относятъ кто куда захочетъ — ко всѣмъ временамъ, начиная съ Самуила даже до плѣна Вавилонскаго, кому какъ заблагоразсудится. Основаніе же главное этихъ гипотезъ — употребленіе Божественныхъ именъ. Насколько это вѣрно или правдоподобно, можно ли изъ этого основанія вывести такое слѣдствіе — вотъ первый вопросъ, съ котораго и нужно начать дѣло изслѣдованія.

Нѣсколько словъ вообще. Само по себѣ, если смотрѣть на дѣло прямо, предположеніе, что писатель Пятокнижія, при изображеніи событій давно прошедшихъ (каковыя описаны въ книгѣ Бытія), пользовался древнѣйшими сказаніями объ этихъ событіяхъ, очень естественно и необходимо. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, есть ли основаніе принимать существованіе записей, сопоставленныхъ или восполненныхъ въ позднѣйшее время. Различіе Божественныхъ именъ? Но свидѣтельствуетъ ли оно о различныхъ писателяхъ тѣхъ отдѣленій, въ которыхъ употребляется то и другое. Откуда такое мнѣніе выродилось? Слѣдя за образованіемъ и развитіемъ такого взгляда, не трудно замѣтить, что началомъ и основаніемъ его служитъ предзанятая мысль, которую, не обинуясь, и высказываютъ защитники этого взгляда. Мы знаемъ, что отрицательное направленіе критики библейской хочетъ отвергнуть происхожденіе Пятокнижія отъ Моисея и заподозрить историческую истину его содержанія собственно потому, что по ея догматическимъ предубѣжденіямъ не можетъ быть чудесъ и пророчествъ. Предзанятая мысль ея та, что Пятокнижіе не можетъ быть Моисеевымъ потому, что въ немъ повѣствуется о чудесныхъ событіяхъ; всѣ остальные доказательства неподлинности *изы-*

скиваются собственно для оправданія только этой мысли; потому-то они такъ хрупки и произвольны, потому-то наконецъ такое разнообразіе мнѣній, сужденій и выводовъ, совсѣмъ несходныхъ, противорѣчивыхъ, что критикъ, то особенность въ чемъ нибудь. Однимъ изъ этихъ вымышленныхъ и изысканныхъ доказательствъ предзанятой мысли служить и различіе употребленія Божественныхъ именъ въ Пятокнижїи. Мы сказали, что эту предзанятую мысль защитники этого воззрѣнія необинуясь высказываютъ прямо и кладутъ въ основаніе своихъ изслѣдованій о Пятокнижїи. Вотъ слова Деветте, которыми онъ *начинаетъ* свое изслѣдованіе о Цятокнижїи „Поелику въ пятокнижїи описано такъ много событій противорѣчащихъ законамъ природы и предполагающихъ непосредственное дѣйствіе Божества; а для мыслящаго разума весьма сомнительно, чтобы *такія* чудеса дѣйствительно были: то естественно рождается справедливое предположеніе, что записи о нихъ не современны, и не изъ современныхъ источниковъ заимствованы, и—позднѣйшее происхожденіе этихъ книгъ должно быть доказано историко-критическимъ путемъ“. Тотъ же взглядъ въ другихъ словахъ высказываетъ и Евальдъ; тоже высказываютъ или предполагаютъ и другіе, шедшіе или идущіе этой дорогой. Уже эта зависимость отъ предзанятой мысли, отъ односторонне философскихъ догматовъ должна въ каждомъ невольнo возбудить подозрѣніе и недовѣріе къ безпристрастности ея изслѣдованій и въ вѣрности выводовъ. Недовѣріе это невольнo возрастаетъ, когда посмотришь, какъ главные представители этой критики далеко расходятся между собой въ рѣшеніи не только второстепенныхъ вопросовъ, но даже главныхъ, и къ какимъ противорѣчивымъ результатамъ приходятъ они, каждый въ то же время будучи увѣренъ, что правда на его сторонѣ. Даже говоримъ въ главномъ-то не могутъ сойтись, какъ это видно изъ различія выставленныхъ гипотезъ. Но обратимся къ первому основанію этихъ гипотезъ—различію въ употребленіи Божественныхъ именъ. Можетъ ли оно служить критеріемъ для раздѣленія Пятокнижїи на различныя записи или сказанія, въ которыхъ писатели по своему міросозерцанію, или по преимущественной любви своей къ тому или другому наименованію Божества употребляли исключительно то или другое. Нѣтъ ли какой особой системы въ употребленіи этихъ именъ, въ слѣдствіе или по требованію которой и одинъ и тотъ же писатель долженъ былъ употреб-

лять въ разныхъ случаяхъ одно или другое изъ этихъ именъ? Для рѣшенія этого вопроса нужно прежде всего опредѣлить ихъ значеніе. Елогимъ, отъ алахъ—бояться—страшиться, означаетъ въ приложеніи къ Богу—Высшее существо, предъ которымъ должно трепетать, страшное существо. Форма множественнаго числа, при представленіи одного высшаго Существа, означаетъ полноту высшихъ Божественныхъ совершенствъ и силъ въ ихъ единствѣ. Въ приложеніи къ богамъ язычниковъ оно означало множество боговъ, такъ какъ эти боги суть не что иное, какъ обоготвореніе этихъ силъ и совершенствъ Единаго въ раздробленіи и олицетвореніе каждаго изъ нихъ порознь. Въ этомъ смыслѣ слово Елогимъ употребляется и въ Ветхомъ завѣтѣ о богахъ языческихъ. Но въ представленіи Евреямонотеиста, которому извѣстна была вся полнота и многообразие этихъ Божественныхъ силъ, свойствъ и совершенствъ въ конкретномъ единствѣ Божества, и который Бога—Элогимъ представлялъ какъ безконечно великое, Всеобъемлющее, абсолютное Существо, это имя, по этимологіи даже, обозначало Божественное Существо болѣе какъ предметъ (объективный), такъ что конкретное единство личнаго, живаго Бога какъ бы заслонялось при этомъ богатствомъ и полнотою Божественныхъ силъ, совершенствъ и свойствъ. Это—Богъ въ его непостижимомъ, не описуемомъ Существомъ, неограниченномъ, или общее представленіе о Высочайшемъ Существомъ. Вотъ почему, въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ при употребленіи имени Элогимъ нужно было обозначить точнѣе личность Божества это слово вездѣ употребляется съ опредѣленнымъ указательнымъ членомъ—га—Элогимъ, Быт. 5, 22. 24. 6, 2. 4. 9. 11. 17, 18. 20, 6. 7 и др. и въ позднѣйшихъ книгахъ га—Элогимъ—обычное имя Бога, тогда какъ безчленное—Элогимъ особенно въ прозѣ чрезвычайно рѣдко употребляется.

Но истинное, полное и собственное понятіе личности Божества именно въ его отношеніяхъ къ личности человеческой, въ его откровеніи человѣку, выражается словомъ *Иегова*. Слово это, происходя отъ древнѣйшаго гава (позднѣе гайя) быть, по изъясненію Самаго *Иеговы* Моисею Исх. 3, 14—18 означаетъ Сущій, Я-тотъ, кто есмь, былъ и буду, или Я тотъ, кто Я, или просто Я. Разбирая въ основаніи и развитіи это имя *Иегова*, сравнительно съ другими наименованіями Божества, надобно полагать, что названіе *Иегова* означаетъ прежде всего воплощъ и совершенно личность—Я, и потомъ личность

абсолютную, *Сушій* или *Вѣчный*; но въ то же время—Вѣчный во временномъ откровеніи своемъ человѣку; слѣдовательно, означаетъ Вѣчнаго Бога во временномъ—историческомъ откровеніи своемъ человѣку, и такъ какъ это откровеніе имѣетъ цѣлью искупленіе падшаго человѣка, для чего Богъ открывался праотцамъ и патриархамъ, давалъ имъ различныя обѣтованія, съ клятвою привести ихъ въ исполненіе, и для чего Онъ заключалъ съ ними завѣты: то Иегова означаетъ, частіе, Бога особеннаго завѣта съ народомъ Еврейскимъ, Бога, открывающагося завѣтному народу, какъ его Богъ, какъ его Спаситель и Искупитель. Елогимъ, вѣчный—Богъ всего и всѣхъ во временномъ откровеніи своему человѣку, является какъ Иегова—Богъ завѣта, имѣющаго цѣлю искупленіе человечества. Принимаемое въ такомъ значеніи имя Иегова было извѣстно еще до Моисея, на что указываетъ употребленіе этого имени въ различныхъ сочетаніяхъ съ другими словами въ именахъ людей, напримѣръ: Иегеведъ—имя матери Моисея, Ахійягъ, Абійягъ и др. Съ этимъ вполне согласны сказанія книги Исходъ объ откровеніи этого имени Божія. При торжественномъ призваніи Моисея къ его высокому служенію (Исх. 3), Богъ называетъ себя Богомъ патриарховъ (ст. 6), и Его повѣствователь и выше и ниже называетъ Иеговою (ст. 4. 7). Онъ обѣщаетъ и Моисею быть съ нимъ, и на вопросъ его, какъ назвать имя Пославшаго его народу—говоритъ— „*Я Сушій*; такъ поди и скажи: *Я Сушій* послалъ тебя“, (ст. 14) и продолжаетъ: „Иегова—Сушій, Богъ отцевъ вашихъ Авраама, Исаака и Иакова послалъ“ и пр. (15). Очевидно, что здѣсь слово Иегова представляется какъ уже знакомое, извѣстное и—только объясняется и, такъ сказать, узаконивается; иначе, если бы оно совсѣмъ неизвѣстно было народу, его не поняли бы и не приняли бы, если бы имъ извѣстно было только одно имя Бога, подъ которымъ Онъ открывался патриархамъ, и имя другое, а не Иегова.— Народъ, соотвѣтственно своимъ представленіямъ, сказалъ бы, что это не тотъ Богъ, который открывался ихъ праотцамъ, ибо тотъ Богъ не назывался такъ, при предположеніи, что это имя неизвѣстно было прежде. Итакъ, говоримъ, имя Иеговы, какъ Бога, было извѣстно и ранѣе Моисея, какъ личнаго Верховнаго Существа, открывавшагося патриархамъ для заключенія съ ними спасительнаго завѣта. Этому положенію противорѣчитъ, повидимому, одно мѣсто изъ книги Исх. 6, 2 и д. Богъ говоритъ Моисею, что Онъ прежде открывался

патріархамъ, какъ Эл-Шаддай—Всемогуцій, а своего имени Іегова не открывалъ имъ; отсюда заключаютъ, что это время призванія Моисея есть эпоха, съ которой стало извѣстно имя Бога—Іегова. Мы видѣли, что это имя было извѣстно и прежде. Что же значать приведенныя слова? Въ нихъ говорится, какъ замѣчаютъ лучшіе комментаторы, то, что съ этого времени Богъ исключительно или преимущественно сталъ открываться народу, какъ Іегова, Богъ искупительнаго завѣта, тогда какъ прежде открывался Онъ не подъ этимъ только именемъ, но подъ другими, даже болѣе подъ другими. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь имя Іегова противопоставляется и сопоставляется не съ именемъ Елогимъ, но съ именемъ Эл-Шаддай, и нисколько не исключаетъ явленія Бога, какъ Іеговы. Явленія Бога, какъ Эл-Шаддая и какъ Іеговы, суть моменты явленія Элогимъ, никакъ не исключаютъся одинъ другимъ, но необходимо имѣющіе взаимное отношеніе между собою. Элогимъ, какъ Эл-Шаддай, является праотцамъ и патріархамъ, какъ Всемогуцій, который, ради извѣстныхъ цѣлей, силою своего всемогущества дѣлаетъ для нихъ то, что не возможно по ходу естественному дѣлѣ человѣческихъ; но и какъ Іегова является онъ патріархамъ какъ Богъ завѣта и обѣтованій объ искупленіи, до времени Моисея, когда вмѣстѣ съ болѣе полнымъ осуществленіемъ данныхъ патріархамъ обѣтованій объ ихъ потомствѣ и при вступленіи въ полный и совершенный завѣтъ съ народомъ при Моисеѣ, Онъ хочетъ являться народу исключительно или преимущественно, какъ Іегова—Богъ завѣта и искупленія. Такимъ образомъ, въ разсматриваемомъ мѣстѣ говорится отнюдь не о первоначальномъ откровеніи Іеговы, но объ откровеніи Ею съ этихъ поръ исключительно или преимущественно какъ Іеговы, тогда какъ Онъ прежде открывался и подъ другими именами. Выраженіе опредѣленное: „во имени же моемъ Іегова Я не открывался патріархамъ“—идіотизмъ Еврейской рѣчи, рѣшительное вмѣсто условнаго, исключительное вмѣсто преимущественнаго. Это такой же оборотъ, какой употребилъ Евангелистъ Іоаннъ, говоря о явленіи Духа въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ: *не у бо бѣ Духъ святъ, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ*, хотя Духъ открывался и дѣйствовалъ и съ силою дѣйствовалъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ; рѣчь идетъ объ относительно полномъ и совершенномъ дѣйствіи Духа, а форма рѣчи исключительная. Та же и въ разсматриваемомъ выраженіи: „Я не открывался“: рѣчь идетъ о преимущественномъ откровеніи съ этихъ поръ Бога, какъ

Иеговы, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Какъ Эл-Шаддай, Всемогущій, Элогимъ открывался патриархамъ въ томъ, что Онъ Авраама, напимѣрь, дѣлаеть отцемъ многихъ народовъ, даруетъ, сверхъ всякаго ожиданія, столѣтнему Аврааму и девяностолѣтней неплодной Саррѣ сына, умножаетъ потомство Измаила и пр. Но въ то же время, Онъ открывається имъ, какъ Господь завѣта, обѣтованій, благословеній, какъ ихъ Богъ, Богъ — Иегова, Богъ завѣта и спасенія. Мы можемъ, мы должны поэтому сказать — что откровеніе имени Божія при Моисеѣ составляетъ эпоху, съ которой Богъ въ сознаніи избраннаго народа сталъ какъ Иегова, но только не въ смыслѣ исключительномъ, а относительномъ, что съ этого времени Богъ преимущественно сталъ открываться и дѣйствовать какъ Иегова — Богъ завѣта съ избраннымъ только народомъ. Выразимъ сущность сказаннаго о значеніи разсматриваемыхъ именъ Божественныхъ и выведемъ результаты: *Элогимъ* означаетъ по преимуществу полноту Божественныхъ силъ, совершенствъ и свойствъ вообще, и выражаетъ общее понятіе о Богѣ, какъ все-совершенномъ, неограниченномъ Существовѣ и личномъ. Эта Личность опредѣленнѣе выражается именемъ *Иегова*, Сущій, Вѣчный, открывающійся во времени людямъ, какъ Богъ завѣта особеннаго, обѣтованій и благословеній, и въ этомъ послѣднемъ качествѣ Онъ открывался и до Моисея Праотцамъ и Патриархамъ, а со времени Моисея и Завѣта, при немъ заключеннаго между Богомъ и народомъ, Онъ сталъ преимущественно открываться въ этомъ имени и въ этомъ качествѣ. Отсюда мы выводимъ слѣдующіе результаты: а) невозможность древнихъ записей о жизни Праотцевъ и Патриарховъ съ какимъ-либо однимъ изъ двухъ наименованій Бога — Элогимъ или Иегова, потому что откровенія подъ обоими этими именами и по обоимъ ихъ значеніямъ нераздѣльны въ жизни Праотцевъ и Патриарховъ; Богъ открывался имъ подъ обоими этими именами и въ обоихъ этихъ значеніяхъ и притомъ съ самаго древнѣйшаго времени (Быт. 4, 26). Исключительно Иеговиста и исключительно Елогиста невозможно предполагать. Имена Божественныя вообще выражаютъ то или другое воззрѣніе на отношеніе Бога къ міру или человѣку. Потому въ употребленіи ихъ, особенно въ первоначальномъ, когда первое понятіе, соединенное съ тѣмъ или другимъ именемъ, еще не утрачено, выражается особенность точки зрѣнія на Бога, въ Его откровеніяхъ — періода извѣстнаго, когда господствовало такое, а не другое воззрѣніе, или лица. Но такихъ періодовъ, когда бы исклю-

чительно Бога представляли подъ именемъ Элогимъ или Йегова, нельзя найти. Возможность поэтому записей съ тѣмъ или другимъ исключительно именемъ Божіимъ, невѣроятна.

б) Употребленіе различныхъ именъ Божественныхъ въ цѣлыхъ отдѣленіяхъ книги Бытія не можетъ быть, поэтому самому, вѣрнымъ критеріемъ для раздѣленія книги этой на различныя древнія записи, съ преимущественнымъ употребленіемъ какого-либо изъ этихъ именъ, записей, изъ которыхъ будто бы послѣ, при содѣйствіи новаго писателя, послѣ Моисея, составлена книга Бытія и послѣдующія книги, въ настоящемъ ихъ видѣ. У этого критерія нѣтъ никакого историческаго основанія, кромѣ самого различія въ употребленіи именъ, которое можетъ имѣть, и какъ сейчасъ увидимъ, имѣетъ другое основаніе, которымъ удобнѣе и естественнѣе и проще объясняется это употребленіе различныхъ именъ.

Объясненіе этого различія находится въ тѣхъ различныхъ значеніяхъ разсматриваемыхъ Божественныхъ наименованій, которыя сейчасъ указаны. Взглянемъ съ этой точки зрѣнія на книги Моисеевы и увидимъ удивительную систему въ употребленіи этихъ именъ, такую систему, при взглядѣ на которую никакъ нельзя, безъ предзанятой мысли, даже представить себѣ не только нѣсколькихъ, но даже двухъ писателей этой книги; такъ строго провести такую систему въ этомъ отношеніи могъ только одинъ писатель, съ одной строго опредѣленной цѣлью, съ однимъ строго проведеннымъ взглядомъ, съ однимъ строго исполненнымъ планомъ книги. Какъ бы одинъ восполнитель извѣстной книги ни былъ проникнутъ духомъ этой книги, онъ всегда выдастъ себя въ чемъ-нибудь; тѣмъ удобнѣе онъ могъ бы выдать себя въ такомъ, съ перваго взгляда и не совсѣмъ примѣтномъ, предметѣ, каково употребленіе именъ Божіихъ въ Пятокнижїи. Что же мы увидимъ въ Пятокнижїи, если посмотримъ на различіе въ именахъ Божіихъ въ ней съ точки зрѣнія значенія этихъ именъ? Вообще, вотъ-что: всеобщему и частному постепенному откровенію Бога, какъ Элогимъ и какъ Йегова, соотвѣтствуетъ фактъ, что въ повѣствованіяхъ до времени призванія Моисея имена Элогимъ и Йегова употребляются попеременно, иногда оба вмѣстѣ, а съ этого времени въ повѣствованіяхъ употребляемое имя Элогимъ поставляется подлѣ него, какъ нарицательное имя, и, одинаково, какъ собственное имя только тогда употребляется, когда или повѣствуется о фактахъ всеобщаго (а не теократическаго только) сознанія Божества, или

когда писатель имѣеть въ виду устранить предположеніе, что Іегова—просто только національный Богъ Евреевъ. Въ продолженіе всего періода до Моисея, Богъ открывался только въ обѣтованіяхъ особенныхъ, какъ Іегова, который, какъ Эл-Шаддай, обладалъ силою и могуществомъ—осуществить свои обѣтованія, если бы даже силы и законы сотворенной Имъ природы и не были сами по себѣ вполне достаточны для этого. Въ книгѣ Бытія имя Іегова употребляется только въ тѣхъ повѣствованіяхъ, которыя стоятъ въ какомъ-либо отношеніи съ откровеніемъ о будущемъ завѣтѣ и искупленіи, тогда какъ для выраженія всеобщихъ отношеній Божества къ міру и творенію вообще употребляется исключительно Элогимъ. Вотъ этимъ-то различіемъ въ значеніи имени Элогимъ и Іегова, которое проникаетъ повѣствованія не только книги Бытія, но всего Пятикнижія, такъ что нигдѣ оба эти имени не употребляются какъ-нибудь промісцее, и объясняется ихъ попеременное употребленіе въ книгѣ Бытія вездѣ, безъ всякихъ натяжекъ, совершенно естественно и просто. Возьмемъ, на примѣръ, для болѣе подробнаго доказательства вѣрности такого объясненія хотя первую часть книги Бытія, гл. I—XI. Въ ней встрѣчаются Элогимъ и Іегова порознь и въ одномъ отдѣленіи—вмѣстѣ. Въ повѣствованіи о твореніи міра, гл. 1—2, 3 ст. употребляется исключительно имя Элогимъ, совершенно соотвѣтственно вышеизложенному значенію этого имени: ибо твореніе есть первое и всеобщее откровеніе Божества, какъ Всесовершеннаго, Всемогущаго, фактъ всеобщаго религіознаго представленія о Богѣ. Въ слѣдующемъ отдѣленіи: 2, 4—4, 26, которое имѣеть и особую надпись—происхожденіе неба и земли, отдѣленіи, въ которомъ содержится повѣствованіе о первоначальномъ состояніи первыхъ людей, о грѣхопадении, и первой исторіи человѣчества, Богъ называется въ исторіи грѣхопадения Іегова—Элогимъ, за исключеніемъ словъ змія, который называетъ Бога просто Элогимъ (3, 1. 3. 5), а въ повѣствованіи о первой исторіи изгавнаго изъ рая человѣка—Іегова и разъ Элогимъ (4, 1—26. 25). Уже изъ этого перваго отдѣленія видно, что по употребленіи Божественныхъ именъ нельзя различать здѣсь особыхъ записей объ этихъ событіяхъ, но что употребленіе этихъ именъ измѣняется соотвѣтственно ихъ значенію потому, какое понятіе выражается въ томъ или другомъ фактѣ. Употребленіе слова Іегова въ сопоставленіи съ Элогимъ въ исторіи грѣхопадения изъясняется здѣсь тѣмъ, что грѣхопадениемъ услови-

валось искупленіе и, слѣдовательно, обѣтованіе о немъ, и что Богъ завѣта и искупленія, съ самаго паденія первыхъ людей, обѣтовальъ человѣчеству искупленіе. А чтобы предохранить отъ недоразумѣнія или перетолкованія, что этотъ Іегова— другой, нежели Элогимъ, сотворившій всё, переходъ отъ послѣдняго наименованія къ первому обозначенъ двойственнымъ именемъ Бога, Іегова—Элогимъ, при вторичномъ повѣствованіи о сотвореніи человѣка и жизни его въ Едемѣ. Отсюда, совершенно сообразно дѣлу то, что изрекла Ева по рожденіи Каина, именно, что она стяжала сына при помощи Іеговы (4, 1), что Каинъ и Авель приносятъ жертву Іеговѣ (4, 3. 4), и что Іегова не только предостерегаетъ Каина отъ грѣха, но и караетъ по совершеніи братоубійства (4, 6. 9—16), и что при Еносѣ начали торжественно призывать имя Іеговы (ст. 26). Не менѣе ясно и то, что употребленіе въ 3, 1—5 и 4, 25 просто Элогимъ не указываетъ на другую запись или сказаніе, но объясняется тамъ же: въ разговорѣ змія съ женою Богъ называется просто Элогимъ, не потому одному, что здѣсь Онъ представляется только какъ Творецъ и Правитель, но и потому еще, что змій, для достиженія своей цѣли, личнаго живаго Бога хотѣлъ представить просто какъ не опредѣленное *divinum*. При рожденіи же Сифа Ева говоритъ, что Элогимъ дароваль ей другое сѣмя вмѣсто Авеля, котораго убилъ Каинъ,—потому, что Каинъ и Элогимъ, человѣкъ и Богъ, здѣсь противопологаются. Употребленіе именъ, совершенно соотвѣтственное значенію ихъ, выражающемуся въ описываемыхъ фактахъ.

Возьмемъ слѣдующее отдѣленіе—Толедотъ Адамъ или книга Бытія Адамова (5, 1—6, 8). Въ родословной таблицѣ Праотцевъ встрѣчается Элогимъ три раза (1. 22. 24) и Іегова одинъ разъ (29), опять совершенно соотвѣтственно значеніямъ этихъ именъ и описываемымъ фактамъ: въ ст. 1 указывается на сотвореніе человѣка Богомъ—фактъ общаго откровенія Божества—Элогимъ; въ ст. 22 и 24 противопоставленіе міра и Бога требуетъ того же наименованія и—оно дѣйствительно употребляется; а въ 29 ст., при упоминаніи о Ноѣ, опять слово Іегова, который долженъ былъ вступить и вступилъ въ новый завѣтъ съ нимъ по потопѣ, и дѣломъ милости Котораго было избавленіе одного Ноя. Предоставляю вамъ самимъ прослѣдить съ этой мыслью о Божественныхъ именахъ книгу Бытія и прочія и—вы удобно объясните это различіе въ упо-

требленіи ихъ, не прибѣгая ни къ какимъ гипотезамъ, а мы обратимся къ другимъ признакамъ дѣленія этихъ книгъ, по разсматриваемымъ гипотезамъ.

Различіе въ употребленіи Божественныхъ именъ въ цѣлыхъ отдѣленіяхъ Пятокнижія—общее и главное основаніе разсматриваемыхъ гипотезъ о составѣ и источникахъ этихъ книгъ, но не единственное. Болѣе важныя другія основанія или признаки дѣленія Пятокнижія на разныя древнія записи и послѣдующія дополненія, Ergänzungen, слѣдующіе: а) разности въ воззрѣніяхъ повѣствованій на одни и тѣ же событія, лица и предметы, разности, доходящія иногда до противорѣчій, и б) проистекающія частію изъ этихъ же разностей разности въ словоупотребленіи или вообще въ стилѣ и структурѣ языка. Эти особенности намъ и слѣдуетъ теперь разсмотрѣть. Само собою разумѣется, что и здѣсь мы не можемъ пускаться въ частности и подробности, а ограничимся лишь болѣе общимъ разсмотрѣніемъ ихъ, и потомъ,—что не будемъ слѣдить съ этой точки зрѣнія шагъ за шагомъ за всѣми сказаніями, а выберемъ лишь болѣе важныя и болѣе указываемыя примѣры таковыхъ особенностей изъ книги Бытія, обращающей на себя особенное вниманіе со стороны своего состава въ приложеніи къ ней разбираемыхъ гипотезъ.

Прежде всего, опять нѣсколько словъ вообще объ этихъ особенностяхъ. Вся аргументація, основанная на этихъ особенностяхъ, еще менѣе имѣетъ самостоятельности, чѣмъ аргументація, основанная на различіи употребленія Божественныхъ именъ, уже и потому, что первая вполне зависитъ отъ послѣдней. Въ этомъ различіи употребленія Божественныхъ именъ видятъ различныя записи; естественно, поэтому, искать и особенности воззрѣній въ нихъ, какъ различныхъ, и особенностей въ словоупотребленіи; стали изыскивать ихъ съ этой точки зрѣнія и съ этой цѣлью, и—мудрено ли, что, имѣя предзавятую мысль, нѣкоторыя необходимыя особенности, выражавшіяся при описаніи особенныхъ откровеній Божества міру и человѣку, возвели на степень разностей и довели ихъ до противорѣчія. Какъ довели—это другой вопросъ. Общее положеніе касательно особенности воззрѣній въ разныхъ древнихъ записяхъ на одинъ и тотъ же предметъ таково: древнѣйшая запись (а надобно замѣтить, что въ Ergänzungshypothese древнѣйшею записью считается запись съ употребленіемъ имени Божественнаго Элогимъ, запись съ употребленіемъ имени Іегова нѣсколько позднѣе, потомъ предполагается еще

позднѣйшій Яеговистъ—дополнитель, и еще позднѣйшій и т. д., сколько кому заблагоразсудилось изыскать таковыхъ дополнителей), Grundschrift, въ общемъ возрѣнн на древность представляетъ ее—эту древность—болѣе безыскусственно, и въ нравственномъ и житейскомъ отношенн болѣе просто и, такъ сказать, непосредственно и совершенно, чѣмъ болѣе позднн записи, напримѣръ, Яеговиста, какое различн, говорятъ, и можно замѣчать въ отдѣленнхъ съ помянутыми именами Божественными. Это общее положенн, если бы оно даже доказано было въ подробности и основательно, въ своей общности теряетъ свою силу уже отъ того, что эти особенности выставлены при помощи искусственнаго раздробленн всего повѣствованн въ его полнотѣ и цѣлости; различн записей, на основанн различн Божественныхъ именъ, представляется при этомъ уже доказаннымъ и, слѣдовательно, является предзанятою мыслию, при которой нельзя ожидать безпристрастн. А насколько оно основательно и безпристрастно въ подробностяхъ, это мы сей часъ увидимъ.

Въ отношенн къ особенностямъ словоупотребленн или стиля вообще—общее положенн таково: древнѣйшая записъ, или Grundschrift, отличается широтой, обстоятельностью, по мѣстамъ растянутостю, повтореннмъ и обилнмъ словъ, а у дополнителей нѣтъ этой широты и нѣкоторой растянутости, и повторенн фразъ, и обилн словъ. Это положенн, по сознанн самихъ развивавшихъ его, относится далеко не ко всѣмъ повѣствованнмъ, а мы прибавимъ нерѣшительно, слишкомъ субъективно и ослабляется въ своей силѣ разными ограниченнми и уступками самихъ развивавшихъ его, въ родѣ того, напримѣръ, что рѣчь въ послѣдней части книги Бытн—по большей части, по ихъ мнѣнн, принадлежащей Яеговисту-дополнителю, растянутѣе, полнѣе и текучѣе, чѣмъ въ началѣ, или, напримѣръ, что и дополнительный нерѣдко допускаетъ повторенн и обилн въ словахъ, не говоря уже о томъ, что это общее положенн ослабляется различнми и противорѣчнми въ подробностяхъ его приложенн.

Точно тоже и еще болѣе должно сказать и о томъ положенн, что Grundschrift и Ergänzungen имѣютъ свои любимыя выраженн, извѣстный опредѣленный кругъ оборотовъ, образовъ и фразъ, что вытекаетъ изъ разности того и другаго возрѣнн. Это можно сказать именно только съ предзанятою мыслию о не одномъ писателѣ, а между тѣмъ эта особенность во фразахъ, оборотахъ, выраженнхъ и словахъ, весьма есте-

ственно объясняется, если предположить и одного писателя всѣхъ этихъ повѣствованій, употреблявшаго, соотвѣтственно своему возрѣнію на откровеніе Божества, разные Божественныя имена и—объясняется именно этимъ же особеннымъ возрѣніемъ его на откровеніе Божества, выраженнымъ разными именами Божества. Дѣло въ томъ: когда писатель выражаетъ различными наименованіями Божества различное отношеніе его къ міру, человечеству и Патріархамъ въ особенности, слѣдовательно, выражаетъ различныя стороны откровенія Божества и сознанія этихъ откровеній въ раздѣльности: то можно ожидать, да и нельзя не ожидать, что въ тѣхъ повѣствованіяхъ, гдѣ, на примѣръ, онъ говоритъ о всеобщемъ откровеніи Бога—Элогимъ, есть особенности и въ возрѣніи и въ выраженіи, которыхъ въ повѣствованіяхъ объ особенномъ отношеніи Бога къ Патріархамъ, выражаемомъ въ имени Іегова—нѣтъ, и на оборотъ. Сила доказательства въ этой аргументаціи, основанной на различіи словоупотребленія, была бы для защитниковъ разсматриваемыхъ гипотезъ только въ томъ случаѣ, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ умѣреннѣйшихъ защитниковъ ихъ, если бы любимые особенные обороты и слова были и въ тѣхъ отдѣленіяхъ—съ наименованіемъ, на примѣръ, Элогимъ и для тѣхъ предметовъ и идей, которыя не чужды и отдѣленіямъ—съ наименованіемъ Іегова, а они выражались бы здѣсь особыми другими словами и оборотами. Но изъ всѣхъ особенныхъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ томъ или другомъ повѣствованіяхъ, тотъ же умѣренный защитникъ гипотезъ, о которомъ мы сейчасъ упомянули, находитъ только *восемь* счетомъ. Но а) на такую малость не слѣдовало бы и обращать вниманія, чтобы выводить изъ нея такіе великіе результаты, тѣмъ болѣе, что отъ многообразнѣйшихъ причинъ зависятъ форма оборотовъ и употребленіе словъ, а не отъ одного только общаго міросозерцанія, а б) и эти восемь словъ и оборотовъ, по изслѣдованіямъ апологетовъ, оказываются не состоятельными для доказательства существованія разныхъ записей. Дѣло все въ томъ, что вся эта аргументація держится на высказанной уже нами предзанятой мысли—о разныхъ записяхъ; потому-то вся она по большей части такъ мелочна, хрупка и не устойчива, если отказаться отъ этой мысли, какъ вѣроятной. Но обратимся къ частностямъ.

Первый опытъ приложенія показанныхъ общихъ положеній объ особенностяхъ въ разныхъ записяхъ возрѣній, стили и

словоупотребленія дѣлають надъ первыми же двумя главами книги Бытія, въ которыхъ описывается исторія творенія міра и человѣка, и изъ коихъ въ первой употребляется Элогимъ, во второй Іегова Элогимъ, и въ которыхъ, поэтому, какъ мы замѣчали, видятъ доказательство разности древнихъ записей, или, выражаясь ихъ фразами, Елогиста и Іеговиста—дополнителя. Здѣсь, во 2-й главѣ содержится также повѣствованіе о твореніи не только человѣка, но и природы и животныхъ, и повѣствованіе во многомъ, отличное отъ того общаго повѣствованія о твореніи міра и человѣка, какое содержится въ первой главѣ, и притомъ повѣствованіе съ именемъ Божества—Іегова Элогимъ, тогда какъ въ первой главѣ просто Элогимъ. И говорятъ, что это—*другое* повѣствованіе о твореніи міра и человѣка, съ *другимъ* особеннымъ, отличнымъ отъ перваго воззрѣніемъ, даже противорѣчащимъ первому во многомъ, съ *другимъ* слогомъ и словоупотребленіемъ,—вѣрный знакъ, что это другая запись, другое повѣствованіе, основанное на другомъ преданіи. Посмотримъ же, какъ проводится или выводится изъ подробностей эта мысль. Вопросъ главный, значить, здѣсь тотъ: другое ли, второе ли это самостоятельное, независимое отъ перваго повѣствованіе о происхожденіи міра, основанное на другомъ преданіи, и только внѣшне съ нимъ сопоставленное, или та же это первоисторія міра и человѣка, особенно представленная тѣмъ же писателемъ, имѣющая необходимую внутреннюю связь съ той первой исторіей?

Въ пользу перваго взгляда и противъ втораго поставляютъ на видъ—особую надпись надъ этимъ вторымъ повѣствованіемъ и различіе въ содержаніи повѣствованія. Что касается надписи: то сама по себѣ она указываетъ только на начало новаго отдѣленія въ повѣствованіи, но отнюдь не новаго, самостоятельнаго, особою рукою написаннаго повѣствованія, не имѣющаго связи съ предшествующимъ, а только сопоставленнаго послѣ съ нимъ. Ибо изъ того, что подобная надпись: *элле толедотъ* находится во многихъ мѣстахъ этой книги, именно въ главныхъ пунктахъ повѣствованія, гдѣ начинается новая эпоха или новое родословіе или описаніе жизни новаго Патріарха, послѣ смерти отца его, совершенно не слѣдуетъ того, чтобы вслѣдъ за этой надписью всегда помѣщалось со-всѣмъ новое, самостоятельное повѣствованіе другаго, отличнаго отъ прежнихъ писателя, а слѣдуетъ только то, что отсюда начинается новый отдѣлъ повѣствованія, что въ разсматриваемомъ, на примѣръ, мѣстѣ этой надписью оканчивается

первое главное отдѣленіе исторіи сотвореннаго міра, и предшествующее цѣлостное, замкнутое, оконченное повѣствованіе о твореніи міра, какъ основоположеніе всякаго развитія и всякой исторіи, поставлено во главу цѣлой книги. Впрочемъ, и самъ Евальдъ не видитъ въ подобныхъ надписяхъ силы доказательства для раздѣленія книги на отдѣльныя повѣствованія или записи, такъ какъ подобныя надписи надъ отдѣльными частями повѣствованій были въ обычаѣ всей древней Восточной исторіографіи. Еще менѣе говоритъ *содержаніе* этой надписи за особое, независимое отъ предшествующаго повѣствованіе о твореніи. Какъ бы ни переводили фразу— *элле толедотъ*— „сїи порожденія“, „сїя книга“, „сїе родословіе“ и пр., и какъ бы ни прикладывали эту фразу къ послѣдующей исторіи, ни въ какомъ случаѣ она—эта надпись— не исключаетъ предшествующаго повѣствованія о твореніи, а напротивъ, вся вполнѣ она необходимо предполагаетъ другое повѣствованіе о твореніи міра, происхожденіи неба и земли, какъ необходимосе основаніе, безъ котораго не возможна никакая повѣсть о дальнѣйшей исторіи, потому что такая повѣсть не имѣла бы начала и необходимаго основанія, на которомъ бы можно было ее построить. Какъ явились небо и земля—вотъ при этомъ повѣствованіи первый вопросъ, и никакая космогонія не можетъ оставить ее безъ отвѣта. Предполагать самостоятельную космогонію безъ начала—странно. Нѣтъ въ этой второй исторіи никакого сказанія о сотвореніи ни свѣта, ни суши со всей ея красотой, ни моря со всѣмъ, что въ немъ, ни свѣтилъ—поистинѣ странное повѣствованіе, странная космогонія, если считать ее самостоятельной, отдѣльной отъ предшествующаго повѣствованія. Но отъ того, чего нѣтъ, обратимся къ тому, что есть.

а) Указываютъ на разность изображенія творенія въ этомъ второмъ повѣствованіи, разность, доходящую будто бы до противорѣчія первому повѣствованію о твореніи міра и человѣка; эта разность, доходящая до противорѣчія, состоитъ частію въ повѣствованіи о порядкѣ и послѣдовательности творенія, частію въ особенности изображенія происхожденія различныхъ предметовъ. Здѣсь прямо, на примѣръ, повѣствуется, что царство растительное и царство животныхъ сотворено уже послѣ человѣка, тогда какъ по первому повѣствованію—это на оборотъ, да и должно быть на оборотъ; повѣствованіе о порядкѣ или послѣдовательности творенія въ этомъ второмъ сказаніи

противорѣчить первому повѣствованію и само по себѣ несправедливо. Но эта разность, доходящая до противорѣчія, основывается единственно на несправедливомъ и не состоятельномъ предположеніи, будто соединительная частица, которой начинаются стихи повѣствованія, выражаетъ порядокъ происхожденія твореній *по времени*, тогда какъ все расположеніе повѣствованія указываетъ на то, что здѣсь послѣдовательность твореній по мысли творенія—*Darstellung des Gedankens d. Schöpfung*, какъ выражается Бунзенъ. Сущность и расположеніе этого втораго повѣствованія—въ твореніи вообще, слѣдовательно; два предмета собственно здѣсь имѣются въ виду при повѣствованіи, и—въ нихъ сосредоточивается новая мысль и цѣль всего повѣствованія—приготовленіе мѣста жительства для первозданнаго человѣка (ст. 8) и созданіе первой человѣческой *цеты* (ст. 18. 21). Для изображенія перваго предмета повѣствованіе обращается къ тому пункту времени всеобщаго творенія, когда еще не было царства растительнаго, и когда еще не было даже необходимыхъ условій для жизни его и развитія—дождя и заботливаго труда человѣка (ст. 5), и потомъ повѣствуетъ, какъ Творецъ Элогимъ Іегова осуществилъ оба эти условія для жизни растительнаго царства („паръ выходилъ изъ земли“, ст. 6 и 7); но цѣль повѣствованія—не описаніе происхожденія растительнаго царства вообще, а приготовленія мѣста жительства человѣку; рѣчь идетъ собственно о растительномъ царствѣ въ раѣ, Едемѣ, назначенномъ для человѣка, чтобы указать тамъ ему первую дѣятельность (8—14, 15—17). Не хронологическое, а чисто логическое сопоставленіе происхожденія растительнаго царства и человѣка. Потомъ, чтобы выставить въ истинномъ свѣтѣ и развить другой предметъ повѣствованія—происхожденіе человѣческой *цеты*—мужа и жены, недостаточно происхожденіе человѣка опредѣлить только тѣмъ, что Богъ образовалъ тѣло его изъ земли и вдунулъ въ него дыханіе жизни и человѣкъ сталъ живъ (ст. 7), но нужно было выставить также въ ясномъ свѣтѣ и отношеніе взаимное между ними, что это за *два* новыхъ созданія явилось на землѣ. Повѣствователь для этого обращается ко времени творенія животнаго царства, чтобы показать, что здѣсь не нашлось для человѣка помощницы по нему, и—она сотворена была отъ плоти его и отъ костей его (ст. 18—24). Опять чисто логическое сопоставленіе происхожденія животнаго царства и человѣка, а отнюдь не сопоставленіе по времени, какъ будто животное

царство вообще явилось послѣ созданія человѣка. О разностяхъ, доходящихъ до противорѣчія первому повѣствованію въ разсматриваемомъ повѣствованіи, значитъ, не можетъ быть и рѣчи.

Еще менѣе существуютъ таковыя разности въ повѣствованіи относительно способа или образа созданія нѣкоторыхъ предметовъ. Если въ 5 и 6 стт. появленіе растительнаго царства поставляется въ исключительную зависимость отъ дождя и пара, выходящаго изъ земли, и, слѣдовательно, предполагается прежде сухость земли: то это вполне согласуется съ повѣствованіемъ первымъ о твореніи (1, 10—12), по которому Богъ послѣ того, какъ явилась суша, повелѣлъ землѣ произвести растенія. Равнымъ образомъ, если по этому второму повѣствованію Богъ создалъ человѣка и животныхъ изъ земли (ст. 7 и 19): это ни сколько не стоитъ въ противорѣчіи съ первымъ повѣствованіемъ о происхожденіи животныхъ и человѣка, гдѣ о матеріи, изъ которой Богъ создалъ ихъ, вовсе нѣтъ рѣчи. Равнымъ образомъ, наконецъ, если въ первомъ повѣствованіи первому человѣку указаны въ пищу всякая трава сѣменная и всякое дерево плодовитое (1, 29): это не стоитъ ни сколько въ противорѣчіи съ Божественною заповѣдью, о которой говорится во второмъ повѣствованіи— „ѣсть отъ всякаго древа, кромѣ древа познанія добра и зла“ (2, 16—17), потому что этимъ не исключается позволеніе ѣсть отъ всякой травы сѣменной и отъ всякаго древа плодоноснаго; одно только запрещено, и упоминается объ этомъ запрещеніи потому собственно, что сейчасъ же будетъ описываться жизнь первой четы въ Едемѣ, и—преступленіе заповѣди Божіей объ этомъ деревѣ. Гдѣ же тутъ, говоря серьезно, разности и особенности, доходящія до противорѣчія съ первымъ повѣствованіемъ? Это только болѣе подробное сказаніе о происхожденіи человѣческой четы и о первой жизни ея въ раю, какъ переходъ къ дальнѣйшей исторіи человѣчества, сказаніе, сопоставленное въ логической, а не хронологической связи съ происхожденіемъ царствъ растительнаго и животнаго, сказаніе, восполняющее то первое повѣствованіе о четѣ.

Изъ особенной цѣли и намѣренія этого повѣствованія объясняется нѣкоторая особенность и въ способѣ повѣствованія и даже словоупотребленіи, сравнительно съ предшествующимъ повѣствованіемъ, которыми оба они нѣсколько отличаются одно отъ другаго. Когда здѣсь рѣчь идетъ о томъ, чтобы опредѣлить и выставить обстоятельнѣе условія и основоположенія

перваго историческаго развитія владыки земли—человѣка, естественно, что строй повѣствованія долженъ отличаться отъ простаго, но возвышеннаго и величественнаго параллелизма въ повѣствованіи о всеобщемъ твореніи міра, и для обозначенія другихъ, болѣе частныхъ и опредѣлительныхъ понятій должны быть употреблены иные слова и обороты. Такимъ образомъ, напримѣръ, вмѣсто *бара*—творить, употребляется *яцар*—образовать, давать форму опредѣленную, потому что рѣчь здѣсь идетъ собственно о томъ способѣ или образѣ, какъ Богъ изъ готоваго уже вещества образовалъ или произвелъ все животное царство и человѣка, объ особенностяхъ ихъ природы сравнительно съ другими тварями, а для выраженія этого понятія не пригодно слово *бара*—творилъ изъ ничего, а *аса*—производилъ, которое вообще вмѣсто *бара* и *яцар*, употребляется и въ томъ и въ другомъ повѣствованіи. Точно также легко объясняются и нѣкоторыя другія особенности словоупотребленія, рѣшительно безъ нужды прибѣгать къ какимъ—либо измышленнымъ гипотезамъ о разныхъ записяхъ, а просто,—имѣя въ виду лишь всеобщность и особенность откровеній Божества и происходящую отсюда особенность изображенія этихъ откровеній.

Если по всему этому ни особенности въ возрѣвнн, ни особенности въ языкѣ и словоупотребленіи въ обоихъ повѣствованіяхъ ни коимъ образомъ не побуждаютъ предполагать и видѣть въ каждомъ изъ этихъ повѣствованій особенныхъ самостоятельныхъ записей—различныхъ рукъ, сопоставленныхъ въ послѣдствіи вмѣстѣ: то, напротивъ, кромѣ уже сказаннаго о необходимой взаимной связи обоихъ повѣствованій, одно изъ нихъ совершенно не можетъ быть безъ другаго и одно предполагаетъ другое; кромѣ этого, самая надпись втораго повѣствованія даетъ несомнѣнное свидѣтельство о единствѣ писателя того и другаго повѣствованій, частію словами—*алле толедотъ*— „сіи порожденія“ или „сія книга бытія“, такъ какъ подобныя надписи, часто встрѣчающіяся въ книгѣ Бытія,—въ обычаѣ древней Восточной исторіографіи, частію—соединеніемъ обоихъ главныхъ именъ Божественныхъ Іегова—Элогимъ, такъ какъ такое сочетаніе, съ одной стороны указываетъ на повѣствованіе предшествующее, съ другой,—соединяетъ послѣдующую исторію или повѣствованіе о твореніи міра съ предшествующею, и, наконецъ, служитъ внятвымъ переходомъ къ повѣствованію о послѣдующемъ откровеніи Бога—Элогимъ подъ именемъ Іегова. По всему этому, кажет-

ся намъ, лишь предзанятая мысль только можетъ видѣть сопоставленіе разныхъ сказаній о твореніи въ этихъ двухъ повѣствованіяхъ или Grundschrift и дополненія; тогда какъ и различное употребленіе Божественныхъ именъ въ этихъ повѣствованіяхъ и происходящія отсюда особенности въ образѣ повѣствованія и словоупотребленіи весьма удобно, безъ всякой натяжки, объясняются и безъ подобныхъ гипотезъ, при предположеніи одного писателя, строго проводящаго до подробностей свой опредѣленный планъ.

Дробленіе 3-й, 4-й и 5-й гл. по разбираемымъ началамъ разсматриваемыхъ гипотезъ уже слишкомъ мелко и придирчиво, основано большею частію на фразеологій, и притомъ противорѣчиво. Пропуская ихъ, мы остановимся на повѣствованіи о потопѣ—6, 1—9, 29,—съ точки зрѣнія дѣленія этого повѣствованія на разныя записи (Urkunden) по разбираемымъ началамъ разсматриваемыхъ гипотезъ.

Въ повѣствованіяхъ о потопѣ сторонники этихъ гипотезъ видятъ опять будто бы ясное доказательство своего взгляда на разность древнихъ записей, сопоставленныхъ послѣ въ одно повѣствованіе, или—Grundschrift Элогиста и дополненія позднѣйшія Іеговиста, потому что здѣсь, говорятъ, опять ясно видны и противорѣчивыя особенности обоихъ сказаній и особенности въ воззрѣніи на событіе и особенности въ языкѣ.

Первое, что останавливаетъ вниманіе при разборѣ дѣленія этого повѣствованія по разбираемымъ началамъ гипотезъ, это то нѣсколько странное обстоятельство, хотя и не единственное въ этомъ случаѣ, что провозглашая очевидность въ этомъ повѣствованіи сопоставленія разныхъ записей или Grundschrift и дополнителей, сторонники этого взгляда не могутъ вполне сойтись въ томъ, что именно принадлежитъ Элогисту, что Іеговисту и—различные изслѣдователи приписываютъ той и другой записи нѣсколько различныхъ отдѣленій; а изъ этого различія необходимо порождается другое въ болѣе общемъ положеніи, именно: одни говорятъ, что повѣствованіе Элогиста—есть повѣствованіе болѣе обстоятельное и законченное само по себѣ, а повѣствованіе Іеговиста присовокупляетъ къ нему только нѣкоторыя параллели въ главныхъ моментахъ изображенія событія; другіе же, напротивъ, утверждаютъ, что повѣствованіе Іеговиста представляетъ болѣе полное и связанное цѣлое повѣствованіе, которое во всѣхъ главныхъ моментахъ преданія—побужденіи, теченіи и слѣдствіяхъ катастрофы восполняетъ Grundschrift съ позднѣйшей точки зрѣнія. Что же

дѣлать,—противорѣчія не избѣжны, когда начала сужденія шатки.

Оставимъ эти противорѣчивые взгляды на частности и посмотримъ на то, въ чемъ они болѣе единогласны. Болѣе согласны они въ томъ, что Іеговисту—дополнителю принадлежатъ въ этомъ повѣствованіи слѣдующія отдѣленія: 7, 1—10. 12, 16—17. 23. 8, 1. 2. 3. 4. 6—12. 20—22. 9, 18—27. Если сначала мы обратимся къ вопросу объ относительной обстоятельности и дѣльности этихъ сказаній по представленному раздѣленію ихъ на записи: то замѣтимъ, что повѣствование Іеговиста ничего не говоритъ о постройкѣ ковчега, о времени потопа, упоминаетъ только то, что онъ насталъ въ 7 день послѣ Божественнаго откровенія Ною (7, 4—10), что дождь шелъ 40 сутокъ (12—17), что потомъ Богъ вѣтеръ послалъ на землю, и пересталъ дождь, и убыла вода, такъ что ковчегъ остановился на горахъ Араратскихъ (8, 1—4), что Ной выпустилъ изъ ковчега сначала ворона, потомъ голубя (6—12), и потомъ, не упоминаетъ о выходѣ его изъ ковчега, что онъ устроилъ алтарь, принесъ Богу благодарственную жертву, и получилъ обѣтованіе и знаменіе, что потопа болѣе не будетъ уже на землѣ (20—22), къ чему присовокупляется повѣствование о виноградникѣ Ноя и поступкѣ его дѣтей, когда онъ испилъ вина (9, 18—27). Все это повѣствование Іеговиста, очевидно, не можетъ быть названо ни въ какомъ отношеніи и связнымъ цѣлымъ. Въ то же время выдѣленное такимъ насильственнымъ образомъ повѣствование Элогиста было бы отрывочнымъ и безсвязнымъ описаніемъ этого событія; въ немъ не было бы повѣствованія даже о времени этого событія; насильственнымъ выдѣленіемъ сказанія о жертвѣ Ноя прерывалась бы связь сказанія о благословеніи Ноя; потому что благословеніе Ноя и заключеніе съ нимъ завѣта необходимо предполагаютъ жертву Ноя и ея благосклонное принятіе Богомъ. Да и мало ли бы открылось недостатковъ и несовершенствъ въ этихъ сказаніяхъ, если ихъ такъ насильственно разорвать одно отъ другаго! Да есть ли для этого достаточныя основанія, кромѣ недостаточнаго—употребленія разныхъ Божественныхъ именъ, что, какъ мы видѣли, имѣетъ совсѣмъ другое болѣе глубокое основаніе, чѣмъ гипотеза о разныхъ записяхъ? Но между этими различаемыми сказаніями, говорятъ, опять есть разности, доходящія до противорѣчія. Опять общее положеніе, что въ древнѣйшей записи—Grundschrift-ѣ всѣ нравственно-религіозные моменты

событія представлены въ общности, тогда какъ въ повѣствованіи Іеговиста все гораздо ограниченнѣе, такъ сказать сдержаннѣе, съ болѣе рефлектирующимъ взглядомъ на сущность дѣла и условія дѣйствительности. Въ чемъ же это выразилось? Вотъ въ чемъ: а) по первому повѣствованію — растлѣніе было по всей землѣ и простиралось не только на людей, но и на звѣрей и на всякое живое созданіе и на всю землю (6, 11. 12), тогда какъ по второму повѣствованію, растлѣніе было только между людьми, но растлѣніе совершенное, если можно такъ выразиться, растлѣніе сердца и мысли и растлѣніе отъ юности (6, 5 ср. 8, 21). Но если по второму повѣствованію только люди были растлѣнны, то почему же истреблены и всѣ животныя? Почему раскаивается Богъ, что Овъ сотворилъ не только людей, но и животныхъ (6, 7)? И если по первому повѣствованію вся земля растлилась, потому что *всяка плоть растли путь свой*: то основаніе этого не лежитъ ли именно въ томъ, что растлѣніе вышло отъ человѣка? Разности, доходящей до противорѣчія, думаемъ, здѣсь нѣтъ: во второмъ повѣствованіи указывается только виновникъ растлѣнія человѣкъ, тогда какъ въ первомъ рѣчь идетъ о распространеніи растлѣнія на все земное твореніе живое, потому что человѣкъ, поставленный господиномъ земли, растлил своимъ паденіемъ и землю. Это — то же, что — *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ* и — *вся тварь воздыхаетъ съ падшимъ человекомъ*. Именно растлѣніе всей земли предполагаетъ исторію паденія, описанную въ третьей главѣ и притомъ Іеговистомъ, а здѣсь объ этомъ говоритъ Элогистъ, и, такимъ образомъ, оказывается еще странность въ томъ, что въ основаніи древнѣйшей записи — Grundschriftъ лежитъ сказаніе записи позднѣйшей — Іеговиста — дополнителя, и — думаемъ, что это частное обстоятельство сильно говоритъ не въ пользу этихъ разбираемыхъ гипотезъ вообще. б) Спасаются отъ потопа, по первому повѣствованію, кромѣ Ноя, по парѣ всякой живой сотворенной плоти (6, 19. 20), по второму повѣствованію — не всѣ роды звѣрей, а только скотъ, то есть, домашній (7, 8). Но это значить уже вовсе привязываться только къ фразѣ при совершенномъ единствѣ общаго воззрѣнія и — возбуждать мелочный вопросъ — откуда же, по повѣствованію Іеговиста, должны были взяться звѣри послѣ потопа? Вѣдь о новомъ твореніи ихъ послѣ потопа онъ не говоритъ самъ-же ничего. Случился обычный оборотъ рѣчи — часть употреблена вмѣсто цѣлаго, и — ставятъ это, какъ различіе повѣствованія, дохо-

дащее до противорѣчія съ другимъ, гдѣ нѣтъ такого оборота, а цѣлое обозначается какъ цѣлое, и—ставятъ серьезно, между тѣмъ какъ должно быть извѣстно изъ книгъ же Библейскихъ, что у одного и того же писателя подобныя двоякаго рода обороты выраженія объ одномъ и томъ же предметѣ употребляются часто особенно при перечисленіяхъ чего-нибудь, одинъ разъ перечисляется все, другой разъ менѣе, и части поставляются вмѣсто цѣлаго. в) По первому повѣствованію, восстановление всего послѣ потопа представляется въ формѣ благословенія и завѣта со всѣми тварями на всей землѣ (8, 17, 9, 1 и дал.); по второму оно совершается жертвою Ноя изъ спасенныхъ чистыхъ животныхъ, благоуханіемъ которой Иегова подвигнуть былъ къ устроенію навсегда порядка природы (8, 20—22). Но можно ли побужденіе къ дѣйствию поставять въ противорѣчіе съ самымъ дѣйствіемъ и видѣть разность, доходящую до противорѣчія въ сказаніяхъ не объ одномъ и томъ же? По истинѣ, заключаетъ Геверникъ, обозрѣвъ эти и подобныя имъ основанія къ различенію двоякаго рода сказаній въ повѣствованіи о потопѣ, по истинѣ, такую критику, которая не хочетъ или не умѣетъ различать простыхъ логическихъ категорій, не слѣдуетъ допускать до различенія источниковъ книги Бытія. Впрочемъ, будетъ о нихъ—объ этихъ разностяхъ, доходящихъ до противорѣчія. Невольно рождается вопросъ, при разборѣ этихъ мелкихъ и большею частію ничтожныхъ придиорокъ, да что же въ самомъ дѣлѣ это значить? Предзанятая, любимая мысль—*tdee fixe*, отвѣчаютъ, и—говорятъ правду.

Сказаніе о твореніи міра.

Пятокнижіе начинается космогоніей. Если все Пятокнижіе должно вполне соотвѣтствовать и соотвѣтствуетъ тому мѣсту, которое оно занимаетъ въ исторіи раскрытія царства Божія на землѣ вообще, какъ твореніе перваго основателя Ветхозавѣтной теократіи и какъ основоположеніе этой теократіи: то все его содержаніе должно быть строго-историческое, оно должно содержать исторію, которая передъ форумомъ всякой критики должна сохранить свой строго-историческій характеръ и свою полную фактическую истинность, до частныхъ и подробностей. Это требованіе вполне должно быть приложено и ему вполне должно соотвѣтствовать и изображеніе до-